

ОБРАЗЫ ВОЙНЫ И ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ТРУДА В РОМАНЕ М. А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»

Человек труда является главным героем всех произведений М. А. Шолохова, начиная с «Донских рассказов». Однако шолоховские герои – донские казаки – носители особого типа традиционного сознания, которое можно условно обозначить как военно-земледельческое. В мировоззрении казака гармонично сочетались духовные ценности труженика и воина. Примечательно, что два основных занятия казаков – мирный труд и военная служба (война) – нуждались одно в другом. Крестьянская работа подготавливала мужчину к войне: закаленный мирным трудом, казак легко переносил тяжести воинской службы, а после окончания военных действий легко менял саблю на плуг. В процессе работы на земле казак возрождался духовно: полностью искоренялась та воинственность, которая накапливалась на войне.

Именно поэтому земледельческий труд, по замечанию исследователей, воспринимается Шолоховым «как основа народной жизни, источник нравственного здоровья, духовного обаяния крестьянина-казака...» (9, 27) и тесно связан с фольклорной традицией. На «мирных» страницах «Тихого Дона» автор с любовью и трепетом изображает крестьянский труд, который воспринимается казаками не только как тяжелая необходимость, а как торжественный коллективный ритуал. Вот одна из картин, описывающая покос: «С Троицы начался луговой покос. С самого утра зацвело займище праздничными бабьими юбками, ярким щитвом завесок, красками платков. Выходили на покос всем хуто-

ром сразу. Косцы и гребельшицы одевались будто на годовой праздник. Так повелось исстари. От Дона до дальних ольховых зарослей шевелился и вздыхал под косами опустошаемый луг» (I, 47). «Герои «Тихого Дона», несмотря на изнурительную работу в поле, видят в ней источник духовного здоровья и радости» (9, 27). «В полном соответствии с народными воззрениями, отношение к труду избирается как важнейший критерий оценки человека...» (16, 76).

Однако полноценный мирный труд невозможен без надежной военной защиты, поэтому казаки активно участвовали в войнах, которые до начала XX века велись, прежде всего, во имя защиты Отечества и мирного труда. Ветераны в романе (дед Гришака Коршунов, Максим Богатырев и др.) с гордостью вспоминают свои военные подвиги, достойные уважения молодым поколением казаков. Таким образом, два противоположных по характеру занятия – земледельческий труд, связанный с созиданием, и военная служба, связанная с разрушением, – в традиционном сознании казачества не только не противоречили друг другу, а напротив, образовывали неразрывное единство. Война воспринималась казачьим обществом как испытание храбрости и своеобразная проверка физической и духовной мощи отдельного индивида и всего коллектива. Повышенный расход материальных ресурсов и человеческих сил на войне были оправданы высокой объединяющей целью – защитой своего отечества и спасением жизни всей нации. Укреплялось представление широких масс о национальном единстве (17, 35), (8, 278–285). Подобное отношение к войне свойственно и самому М. Шолохову, который не раз высказывался о «стихии пацифизма», которая «проскальзывает» у него в романе, как о недостатке (3, 172).

Французский антрополог и писатель Роже Кайуа выделил характерную особенность в войнах прошлого – ритуальность в отношениях воюющих сторон (8, 286). Сохра-

нялись «традиции рыцарского благородства и воинского великодушия» по отношению к противнику и мирному населению, соблюдались запреты на некоторые виды оружия. Поле битвы представляло собой обособленное пространство, сравнимое с ристалищем, цирковой ареной, игровой площадкой. Вокруг этого места, посвященного насилию, оставался целый мир, где действовали более милосердные законы» (Там же]. Все это характерно для войн XIX века, в которых участвовали казаки и о которых сохранили самые светлые воспоминания, поскольку воинскую честь старались не попирать. Так, дед Гришака Коршунов во время военной службы не стал добывать безоружного турецкого офицера: «Хотел срубить, а посля раздумал. Человек ить...» (I, 101). Даже в глубокой старости казак Максим Богатырев раскаивается в том, что в качестве трофея отобрал красивый ковер у мирных жителей: «чужое сиречь от нечистого» (I, 100–101). Старый казак-ветеран турецкой войны советует казакам из хутора Татарского, отправляющимся на войну с Германией, «человечью правду блюсть»: «Чужого на войне не бери – раз. Женщин упаси Бог трогать, и ишо молитву такую надо знать» (I, 242).

Однако с увеличением темпов технического прогресса в XX веке характер войны коренным образом меняется, и это отмечают герои М. А. Шолохова. Так, старый казак, ветеран русско-турецкой войны замечает перед началом войны с Германией: «Должно, не похожая на турецкую выйдет война? Теперь ить вон какая оружия пошла...» (I, 241). На фронте казаки увидят это новое оружие, против которого бессильна лихая казачья кавалерия – австрийскую гаубицу, у которой «прицельная камера, весь механизм – верх совершенства» (I, 302). Офицер-артиллерист повстанческой армии высказывается о гражданской войне: «Раньше, хотя бы в эпоху Наполеона, добро было воевать!

Сошлись две армии, цокнулись, разошлись. Ни тебе фронтов, ни сидения в окопах... Скука одна, а не война! Красок нет. Грязцо! И вообще – бессмыслица» (III, 84–85).

Новые условия межнациональной (впоследствии классовой) войны, когда людей, равных по социальной (национальной) принадлежности, «стравливают» друг с другом, рождают особый тип казака – изувера и палача. К этому типу в той или иной степени относятся представители разных политических лагерей – Чубатый, Митька Коршунов, Михаил Кошевой, Илья Бунчук и др. Даже Григорий Мелехов, с детства с трепетом и уважением относившийся к праву на жизнь любого живого существа, не раз попадает под влияние атмосферы всеобщей озлобленности и переступает «человечью правду», от чего долго страдает. Так, в горячке боя Григорий убивает безоружного австрийца, в гражданскую войну дает приказ расстрелять пленных красноармейцев в отместку за смерть брата Петра, в бою с красными с особой жестокостью лично вырубает группу матросов-красноармейцев... Еще во время первой мировой войны Григорий замечает: «Людей стравили, и не попадйся! Хуже бирюков стал народ. Злоба кругом. Мне зараз думается, что ежели человека мне укусить – он бешенный делается» (I, 268). Такие изменения в психологии воюющих – страшные и разрушительные последствия войны «нового» типа, которая идет в разрез с традиционными народными представлениями и идеалами.

Но особенно выразительно отношение к войне автор показывает через изображение зловещих природных явлений, которые предвещают великие беды. Так, перед самым началом войны России с Германией во всех основных стихиях – воздухе, воде и земле – происходят «волнения»: на кладбище хутора Татарского по ночам страшно кричит сын, от засухи мелеет Дон, иссыхает и покрывается трещинами земля (I, 212–21). В основе этого «знамения» ле-

жат фольклорно-мифологические представления о природе, которая «предупреждает» человека о грядущих несчастьях. В далекой Галиции, где скоро будут гибнуть тысячи казаков, по ночам видны «рукастые алые зарева»: «зарницами полыхали деревни, местечки, городки... Небо улыбочиво серело, редкие погожие дни томили парной жарой... В садах жирно желтел лист, от черенка наливался предсмертным багрянцем, и издали похоже было, что деревья – в рваных ранах и кровоточат рудой древесной кровью» (I, 264–265). Таким образом, в этих описаниях война изображается в чисто фольклорном аспекте как народная беда, которую предвещают зловещие знамения. Война приобретает характер страшного стихийного бедствия, сеющего разрушение и опустошение.

Подобные предзнаменования сопровождают и начало гражданской войны на Дону в 1917 году. Казаки возвращаются с германского фронта в родные куреня, но ощущение предреволюционной угрозы настаивает их здесь. Хутор Татарский томится в ожидании новых сражений красных с белыми, и картина природы строится на мотиве грядущих бед и испытаний: над хуторами и станицами нависает темная туча, готовая разразиться страшными раскатами грома и сильным вихрем. «Вечерами из-за копий голого леса ночь поднимала калено-красный щит» месяца, который сиял «кровяными отсветами войны и пожаров». Покрытые льдом деревья звенели, как стальные стремена, «будто конная невидимая рать шла левобережьем Дона, темным лесом, в сизой тьме, позвякивая оружием и стременами» (III, 95–96). Тревожное состояние передается домашним животным: «Лошади и быки, лишаясь сна, бродили до расвета по базам. Выли собаки, и задолго до полуночи вразноголось начинали перекликиваться кочета» (III, 95).

По замечанию Л. Г. Сатаровой, «образ невидимой рати, как бы восставших теней предков с их могучим и непо-

стижимым инстинктом воинов, идущих не то покорять чужой край, не то защищать родную землю, – все это придает изображаемым событиям мощь, масштабность древнегероического эпоса...» (12, 84]. Это описание мрачного предзнаменования очень напоминает начало похода князя Игоря на половцев в бессмертном «Слове о полку Игореве»: «На другой день совсем рано кровавые зори свет возвещают; черные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца, а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому! Пойти дождю стрелами с Дона великого! Тут копьям изломиться, тут саблям побиться о шлемы половецкие на реке на Каяле, у Дона великого!». (14, 58]. Так, через «Слово о полку Игореве» выстраивается связь с образами и мотивами народного эпоса. Однако, если в традиционном героическом эпосе война ведется в соответствии с самыми высокими народными идеалами, а не за личные и классовые цели, то в романе «Тихий Дон» наоборот: представители радикальных политических лагерей попирают народные идеалы, разжигают межнациональную, а потом и внутринациональную вражду для достижения своих узкополитических и классовых целей. Поэтому и гражданская война для М. А. Шолохова – не время героико-романтических подвигов, а страшная бойня, «где черная смерть метит казаков, где, по словам казачьей песни, «страх и горе каждый день, каждый час» (IV, 67). В изображении войны Шолохов приближается к толстовскому методу дегероизации, что, безусловно, шло вразрез с традицией советской литературы 1920 – 30-х гг.

Нить, которая связывает «Тихий Дон» с великой древнерусской поэмой, тянется дальше – к мифологической теме нарушения равновесия между созиданием и разрушением, когда временное берет верх над вечным. В мифологии это происходит перед концом света, а в романе – в годы «невиданных перемен, неслыханных мятежей» первой

мировой, революции и гражданской войны. В предсказании столетней бабки Максимки Грязнова явно звучат апокалиптические мотивы: «В старину не так-то народ жил – крепко жил, по правилами, и никаких на него не было напастей. А ты, чадонюшка, доживешь до такой поры времени, что увидишь, как землю опутают проволокой, и будут летать по синю небушку птицы с железными носами, будут людей клевать, как грач арбуз клюет... И будет мор на людях, глад, и восстанет брат на брата и сын на отца...» (II, 80). В этом предсказании сам Максимка и другие казаки перед самым началом революции и гражданской войны угадывают черты новой эпохи: «Телеграф придумали – вот тебе и проволока! А железа птица – еропланы. Мало они нашего брата подолбили? И голод будет. Мои вон супротив энтих годов вполонину хлеба сеют, да и каждый хозяин так. По станицам стар и млад остались, а хлоп неурожай – вот и «глад» вам» (Там же). Петро Мелехов спрашивает: «А брат на брата – это как вроде брехня?», на что кто-то замечает: «Погоди, и этого народ достигнет» (II, 81).

В романе «страшная», «непонятная» и «ненужная» война с Германией противопоставлена мирному труду, разрушение – созиданию. Несмотря на то, что формально первая мировая война для России была оборонительной (Германия первой объявила ей войну), простые солдаты и казаки по большей части не понимали, за что, собственно, они идут умирать. Еще во время проводов казаков из хутора Татарского на войну один пожилой казак так выражает свое отношение к вражде России и Германии: «Нам до них дела нету. Они пуцай воюют, а у нас хлеба не убратые!» (I, 229). С развитием войны ситуация несколько не проясняется: «Третий год в окопы загнали. За что и чего? – никто не разумеет» (II, 82). Цели России в Перовой мировой войне видятся казакам в романе не высокими и общенациональными, а узко-социальными. Как заметил о первой

мировой войне известный немецкий психолог Дитрих Дёрнер, «войны, которая на самом деле произошла, никто не хотел, потому что никто ее не предвидел» (6, 148). В хуторе Татарском о войне с Германией узнают в августе – важнейшее для земледельца время, «когда один день весь год кормит», «когда вызревают плоды и доспевают хлеба». Война не дает закончить уборку урожая, и оставшиеся необранными хлеба, опустевшие курени и станицы неотступно стоят перед глазами казаков даже вдали от родины.

Противопоставление войны и труда в романе реализуется через целый ряд образов, связанных с земледельческим циклом. Один из основных образов – образ засеянного пшеницей поля. Образ поля, «полюшка чистого», «раздольица чиста поля» встречается в разных фольклорных жанрах. «Он присутствует и в былинах, и в безымянных эпических и военно-исторических песнях, и в богатой народной лирике, символизируя представления о родной земле, об ее просторах» (11, 153). В романе особенно значим образ опустелой русской пашни (неубранного или не вспаханного поля), образ «землицы-любешки», которая ждет хозяина. Вот сотня Григория Мелехова движется по дороге, вдоль которой «дымились вызревшие овсы», сбоку «млело поле с нескошенными дянями жита» (I, 233). В романе батальные сцены часто разворачиваются на фоне необранных полей или пашень, что усиливает противоречие между созиданием и разрушением. Так, схватка казаков с немецкими драгунами происходит «возле небольшого клина суглинистой невеселой пахоты» (I, 262). Когда Григорий скачет в атаку, навстречу ему «неудержно летел черный клин пахоты» (I, 239). А когда казачья сотня идет по проселку, «вдоль дороги дымились вызревшие овсы... Григорий поднял голову: перед ним двигалась в такт с конской спиной серая шинель взводного урядника, сбоку млело поле с нескошенными дянями жита...» (I, 233).

Часто сражения разворачиваются на самом необранном хлебном поле, которое противопоставляется железу, несущему кровь: «вызревшие хлеба топтала конница, на полях легли следы острошпрых подков, будто град пробарабанил по всей Галиции» (I, 264). Казаки движутся к месту боя по хлебному полю, а их «кони копытами сбивают сочную росу с оvsов» (I, 282). «Разрубленные лезвиями дорог хлеба... Идет сотня, копытит дороги, железными подковами мнет хлеба» (III, 80).

В другом случае необранное поле, словно живое, безуспешно пытается «задержать» казачью конницу: полк Евгения Листницкого атакует через «полосу хлебов», но «высокое, выше пояса, жито, все перевитое повителью и травой, до крайности затрудняло бег лошадей. Впереди все так же зыбилась русая холка жита, позади лежало оно поваленное, растоптанное копытами» (I, 331). Подобно тому, как это делается в фольклоре, автор романа одухотворяет землю, приписывает ей свойства и качества живых существ (11, 312). Но если в русском фольклоре пашня и поля с вызревшими хлебами символизируют рождение новой жизни, то в романе заброшенная пашня или растоптанное поле становятся местом гибели русских воинов – казаков и красноармейцев. На такой пашне, выражаясь словами автора «Слова о полку Игореве», «редко пахари покрикивали, но часто вороны граяли, трупы между собой деля» (14, 40). Земля в романе все меньше рождает, а все больше раскрывает свои недра, чтобы принять останки погибших людей (2, 311).

В романе «Тихий Дон» писатель в соответствии с народной традицией изображает землю то радостной и цветущей, то мрачной, усеянной трупами и политой кровью. Образ «тучной донской, казачьей кровью политой земли» (III, 168) связан с эпической темой жертвенности человека во имя защиты свободы родного края и рождения новой

жизни: «Прадеды наши кровью ее (землю – К. В.)полили, оттого может, и родит наш чернозем» (III, 136). Но если в героическом эпосе пролитие крови оправдывается идеей защиты мирного труда, то во время первой мировой, революции и гражданской войны казаки проливают кровь за чуждые политические идеи, подчиняющие себе человека и делающие его «убойной говядиной». Народное сознание протестует против насилия, ординарец Григория Мелехова Прохор Зыков, который в конце романа обращается к главному герою: «А что, Пантелевич, не хватит ли кровичу-то наземь цедить?» (IV, 70).

Ведущий образ, связанный с земледельческим трудом, – образ казака-пахаря, оторванного от крестьянского труда и тоскующего по земле. «Как бы ни была изнурительна работа, она доставляет радость, приносит моральное здоровье. Недаром так тоскуют казаки, оторванные от земли...» (16, 78). «Показательно, что у Григория Мелехова, оторванного в Ягодном от привычного сельскохозяйственного труда (от обработки земли), даже охотничий азарт остыл при виде «жирного косоугольного квадрата деляны», которую он пахал с Натальей» (4, 28). Привычный казачий быт начинает рушиться уже во время войны с Германией. Затянувшаяся война отбрает у земли русской сильные мужские руки, в результате чего в Татарском дворах «щерились раскрытыми сараями, обветшалыми базами, постепенное разрушение оставляло на них свои неприглядные следы» (II, 54).

В гражданскую войну Григорий проникается злобой к большевикам и считает, что «они вторглись в его жизнь врагами, отняли его от земли! <...> И каждый, глядя на неубранные валы пшеницы, на полегший под копытами нескошенный хлеб, на пустые гумна, вспоминал свои десятины, над которыми хрипели в непосильной работе бабы, и черствел сердцем, зверел» (III, 73). Вот как описывается

состояние Григория Мелехова: «Цепь дней... Звено, вкованное в звено. Переходы, бои, отдых... В жилах от постоянного напряжения – не кровь, а нагретая ртуть. Голова от недосыпания тяжелей снаряда трехдюймовки. Отдохнуть бы Григорию, отоспаться! А потом ходить по мягкой пахотной борозде плугарем, посвистывать на быков... и неотрывно пить винный запах осени, поднятой плугом земли» (III, 79–80).

В гражданскую войну командование обеих противоборствующих лагерей смотрит на страждущую землю с высоты своих узкополитических идей, далеких от трудовых идеалов: командование повстанческой армии «особенно боялось дезертирства к началу полевых работ. Кудинов специально объезжал части и с несвойственной ему твердостью заявлял: «Пущай лучше на наших полях ветры падутся, пущай лучше ни зерна в землю не кинем, а отпускать из частей казаков не приказываю!» (III, 235). Шолохов показывает, как мало было во всех политических лагерях людей, понимающих труженика-земледельца. Однако казаков продолжают волновать заботы о хозяйстве, их мозолистые руки по-прежнему тоскуют по труду. Илья Бунчук, который руководит по заданию партии расстрелом «врагов советской власти», обнаруживает, что среди казненных много простых казаков с мозолистыми от тяжелой работы руками. Выходит, что долгие войны, так ненавистные казачу-труженику, не могут убить естественную тягу к простой крестьянской работе. Манит, зовет к себе непаханая земля, и казаки горько восклицают: «Вот она, землица-любешка, хозяйина ждет, а ему некогда, черти его по буграм мыкают, воют» (III, 248). На призыв Фомина уставшие от непрекращающихся войн казаки отвечают: «Пора подходит – сеять надо, а не воевать» (IV, 369). М. А. Шолохов «видит в своих героях сопротивление злу войны че-

рез возврат к трудовым, исконно крестьянским занятиям» (13, 36).

Парадоксален образ войны, изображаемой как земледельческая работа: «Станицы, хутора на Дону обезлюдели, будто на покос, на страду вышла вся Донщина. На границах горькая разгоралась в тот год страда: лапала смерть работников, и не одна уж простоволосая казачка отпирочилась, отголосила по мертвому...» (I, 307). Это описание гибели казаков, где явно просматриваются фольклорные элементы, соотносится со словами из старинной казачьей песни, взятой в качестве эпиграфа к первой книге романа «Тихий Дон»:

*Не сохами-то славная землюшка наша распахана...
Распахана наша землюшка лошадиными копытами,
А засеяна славная землюшка казацкими головами,
Украшен-то наш тихий Дон молодыми вдовами (I, 12).*

Варианты этой известной народной песни встречаются в записях П. В. Киреевского. Мотив сева – жатвы применительно к войне встречается и в «Слове о полку Игореве»: «Черная земля под копытами косями была засеяна, а кровью полита: горем взошли они по Русской земле». Метафорическое изображение битвы как сева, жатвы и страды является одним из распространенных «общих мест» в фольклоре и древнерусской литературе. Образы земледельческих работ, относящиеся к различным этапам крестьянской работы (сев – всходы – жатва), связаны с мифологической идеей сезонной цикличности, где разрушение уравновешивается созиданием (1, 101–163], (5, 30–31, 39–40], (10, 375–466]. Как и в «Слове...», образ поля битвы – пашни употребляется для противопоставления войны миру, разрушения – созидательному труду» (10, 416].

В процессе непрекращающихся политических междоусобиц, в которые оказывается втянутым казачество, традици-

онный земледельческий цикл – основа бытия казака-крестьянина – нарушается, в результате чего земля становится ненужной. Вот как описывает потерю общения русского крестьянина с землей схимонахиня Нила (в миру Евдокия Колесникова): «В детские годы на Украине бывало посмотришь вокруг: до горизонта хлеба стоят, колосья налитые, один в один. Ветер подует, – как волны по морю идут до самого горизонта. Никаких сорняков в них не было. А ныне посмотришь – до самого горизонта один бурьян виднеется. Забросили землю, а она – кормилица. Нужно всем трудиться на земле. Людям придется отвечать за то, что земля не возделана» (15, 193]. С утратой трудовых ценностей происходит ломка национальных традиций и устоев: «уничтожается казачий быт, нравы, и вместе с ними уходит в глубокое подполье и народная культура, дичает душа человека» (7, 36].

Таким образом, образы и мотивы народной поэзии, отражающие процессы войны и земледельческого труда органично входят в художественный замысел романа «Тихий Дон». Через изображение этих фольклорных образов в романе отчетливо проступают истинно народные устремления, чуждые разрушительным политическим тенденциям группового эгоизма, но связанные с идеей мирного труда и его защиты. Традиционное фольклорно-мифологическое противопоставление мира – войне, созидательного труда – разрушению реализуется в динамическом развитии: от гармонии этих оппозиций в начале романа до нарушения равновесия между ними.

Литература:

1. Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI – XIII веков. – Л., 1968.

2. Бардин А. В. Устное народное творчество в произведениях Шолохова // Ученые записки Оренбургского педагогического института, Серия историко-филологических наук, вып. 13. – Оренбург, 1958.

3. Беседа Шолохова с читателями // На подъеме, 1930, № 6.
4. Васильев В. Г. К вопросу о народно-поэтическом характере «Тихого Дона» М. Шолохова // Ученые записки Казахского государственного университета им. С. М. Кирова, т. 14, вып. 1, Алма-Ата, 1952,
5. Гаспаров Б. М. Поэтика «Слова о полку Игореве». – М.: «Аграф», 2000.
6. Дёрнер Д. Логика неудачи. Стратегическое мышление в сложных ситуациях. М., 1997.
7. Драгомирецкая Н. В. Принципы создания характеров в творчестве М. Шолохова и классические традиции // Социалистический реализм и классическое наследие (Проблема характера). – М., 1960.
8. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. – М., 2003.
9. Котовсков В. Я. Шолоховская строка: Статьи. Страницы из дневника. – Ростов н/Д, 1988.
10. Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве». Историко-литературный очерк // «Слово о полку Игореве» (Изд. серии «Литературные памятники») / Под. ред. В. П. Адриановой-Перетц. – М.–Л.: 1950.
11. Лозанова А. Н. Народнопоэтические мотивы в романе М. Шолохова «Тихий Дон» // Вопросы советской литературы, т. IV, М. – Л., 1956.
12. Сатарова Л. Г. К проблеме времени и пространства в «Тихом Доне» // Революция. Жизнь. Писатель. Вопросы теории и истории советской литературы. – Воронеж, 1976.
13. Сатарова Л. Г. Брат на брата, сын на отца (Художественная концепция гражданской войны в «Донских рассказах» М. Шолохова) // Литература в школе, 1993, № 4,
14. «Слово о полку Игореве» (Изд. серии «Литературные памятники») / Под. ред. В. П. Адриановой-Перетц. – М.–Л., 1950.
15. Схимонахиня Нила (Евдокия Андреевна Колесникова): Жизнеописание. Воспоминания о матушке. Пророчества, наставления, молитвы / Сост. А. Трофимов, З. Свириденкова. – Изд. 2-е исп. и доп. – М.: «Паломник». 2003.
16. Хватов А. И. Художественный мир Шолохова. – М.: 1978.
17. Шульц С. А. Миф и ритуал в творческом сознании Л. Н. Толстого // Русская литература, 1998, № 3.